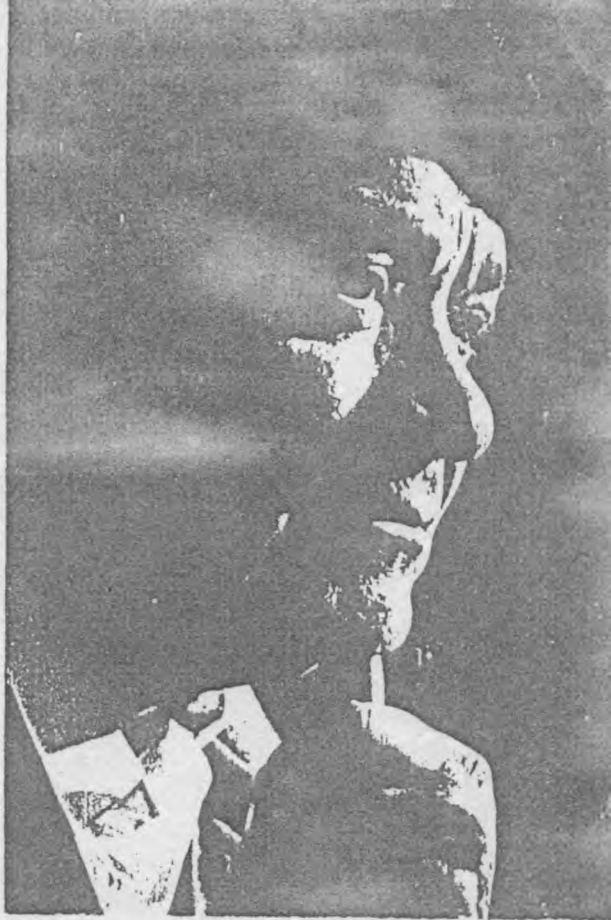

Сергей БОНДАРИН

ТЕБЕ ДАЕТСЯ ДЕНЬ

Сергей Бондарин

ТЕБЕ ДАЕТСЯ ДЕНЬ

Москва

"Возвращение"

1992

ПОЭТЫ - УЗНИКИ ГУЛАГА

Малая серия

4

10.01.1992

Тираж 100 экз.

© "Возвращение"

.....

ОБ АВТОРЕ

Юность и молодость Сергея Александровича Бондарина прошли в Одессе. Будучи гимназистом, он писал и печатал стихи, на равных входил в круг известных одесских литераторов 20-х годов.

Бондарин учился на художника, потом на юриста, но стал литератором. До войны у него вышло несколько сборников рассказов и очерков. Война застала его в Севастополе, где он работал над историей Черноморского флота. Он становится военным корреспондентом, принимает участие в боях.

В 1944 году Бондарин был арестован и осужден на восемь лет лагерей. Отбыв срок, "освобожден" в ссылку - в Капкары Красноярского края, определен на работу ночным сторожем.

Восемь лет человек подвергался пытке, едва ли не самой изощренной для писателя милостью Божьей, каковым Сергей Александрович, несомненно, был - пытке молчанием - невозможностью писать. В тюрьме и лагере единственный доступный вид творчества - поэтический. После приговора Бондарин обращается к поэзии как к спасению:

Мне б вдохновенья час,
Чтобы осилить годы.

В лагере он "писал" в уме, каждую стихотворную строку приходилось запоминать; в письме домой из ссылки он сообщает: "Весь нерв моего бытия - это возможность и желание писать... За прозу пока не брался, стихи идут легче и приятней, но, вероятно, скоро возьмусь и за прозу". Он пишет, что долгих восемь лет "все заглушалось хуткой лагерной повседневностью, холодом, вонью, окриками, пинками, усилием дожить до вечера, когда можно сбросить барахло и лечь на нары; и вот опять, оказывается, душа открывает глаза, начинает ходить, что-то лепечет, слушает и слышит..."

После реабилитации Сергей Александрович написал и издал несколько книг: "Лирические рассказы", "Волны Дуная", "Гроздь винограда", "Златая цепь" и другие.

Он умер в 1978 году на семьдесят шестом году жизни.

Стихи, вошедшие в этот сборник, написаны в ссылке.

Г.С. Адлер

КАРТЫ

С колоды карт
При сдаче
И мне туза не снять.
И мне уже не знать,
Как Германну,
Удачи.

В колоде карт игральных
Нет для меня тузов,
А — символы лесов,
Или морей полярных.

Но что ж сниму с колоды,
К тем картам приучась?
Мне б
Вдохновенья час,
Чтобы осилить годы.

КАМЕНЬ

Заброшен недоброй рукою,
Несусь и несусь по кривой...
О, как от тебя далеко я! —
Без слов, без тепла, но живой.

Вот так же в пространстве несется
Отторгнутый камень-болид:
При встрече с другим распадется,
Не вспыхнет и не прошумит.

БОЛЕЗНЬ

Сергий — львенок.

«Значение имен»

Что не бывало с этим бедным телом? —
с морской волной играло в ноябре
и, наслаждаясь, опять борьбы хотело
и радости в игре.

Под знойным солнцем

 бронзой наливалось,
морозом пахло — только что с крыльца,
и никогда не ослабляла вялость
скуластого лица.

Навстречу всем богам и всем ударам
вокзальных толп, вращению Земли
шла молодость — и, надо быть, недаром:
с ней силы чувств росли!

Зверенок добрый именем Сергея
овладевал — и с именем — душой
все радостней, разумней и светлее,
как лаской брат меньшей.

И как узнать? Не узнаю. Оно ли —
вот это тело? Сломлен? Болен? Стар?
Чужие голоса — источник боли,
не только что удар....

Где гордость имени? Одно прозвание.
Но ты не верь, по-прежнему зови!
Ты слышишь ли меня?

Боль. Даль. Существован
без имени, без жизни, без любви.

ВРАЧУ

Приблизься, человек:

перед тобой страданье.

Прислушайся ко мне —

шум жизни приглушен.

Не спрашивай моих богатств, исповеданья,
А сам себе скажи: «Во человецех он».

И человек приник к другому человеку,
К его дыханию, журчанию крови —
Во имя человечности и той любви,
Что нам светлит чело от веку и до веку.

Ты брат, сестра ли мне —

не спрашиваю тоже.

«Во человецех ты», — сын или дочь земли...
Коснись своей рукой до воспаленной кожи,
Не только плоть мою — и душу исцели.

* * *

Под Троицу с базара принесли
Камыш и пряник с леденцом. Травую
Пол выстлали — и в комнате моей
Запахло яблоками и весною.
А я лежу под белым образком,
И надо мной лампадка догорает.
Читают мне, как в Угличе царевич
Зарезан был по воле Годунова,—
И сыростью от скошенной травы
Повеяло, и зайчик вдруг запрыгал...
Потрескивает лишняя лампадка,
А я слезу, как солнце золотится
На волосах склоненной, грустной мамы,
И думаю: у Дмитрия, наверно,
Такая чистая и нежная была —
Разрезанная золотилась шейка.
Бедняжка Митенька!

МОЛИТВА

О прекращении огня,
О трубках мира во всем мире,
О том, чтоб, лютого, меня
С ладони
 дома
 накормили.

РОМАНС

Г. С. Аглер

Скажи, мой вечный друг,
Зачем поклон неверью?
Я знаю молодость
Достойную твою
И веру в свежий дождь —
К лучу и соловью.
Зачем же глушь и мрак?
Ты слышишь: дождь за дверью.

Травинка дрогнула
Под каплею дождя,
Гляди — еще, еще —
По всей поляне, дале...
Да! С юных лет глядим,
Чего мы ни видали,
А вот такой пустяк —
Полвека перейдя...

Так что ж! На то и жизнь
И узнаванья годы,
И верь по-прежнему,
Мой верный, вечный друг:
Всё дождь, всё дождь, всё дождь...
А сердце дрогнет вдруг
От легкого толчка
Любви или природы.

Аг.ер - алыонар
1922

СОВЕСТЬ

Всё к мужеству, к твоей любви взываю,
А жертв уже так много,
Невольная заступница
 перед жестоким богом,
Душа моя живая!

Шел март... На третье в ночь...
Да! С этой даты
И начат счет — начало тех начал,
В которых голос совести звучал,
Как первой битвы дальние раскаты.

И это всё, чем мог ответить: совесть.
И с нею мать ее — сама душа.
Всё, чем я жив, что трудно, не спеша,
Когда-нибудь свою откроет повесть.

Но подвиг свой, как вервие суровое свивая,
Ты и сама узнала много...
Не правда ли?
О, добрая ответчица
 перед жестоким богом,
Заступница, подвижница живая!
Прости меня! Обдай дыханием
 у многого порога:

У ДВЕРЕЙ АДА

«Оставь надежду всяк сюда входящий...»
Но посмотри на спелой почки чудо,
на ход ростка в коре таежной чащи,
и скажешь ты:

«Есть выход и отсюда».

РУКИ И ДУША

Вот руки... тут вопрос пустячный:
Держи, неси, руби, пашни...
Что делать с силами души,
Когда ей не отводят пашни?

* * *

И вот докатился до самого Черного моря.
Лермонтов

От самого Черного моря,
От самых мальчишеских лет
До самого старого горя —
В Сибири теряется след...

И где здесь найдешь молодое!..
С утра и до поздней поры —
Без песен, а в дружбе с бедою —
Стучат и стучат топоры.

И в самой тайге, поределой
От тех топоров и от пил,
Для самого грустного дела
Я тоже осинку срубил.

И самый притихший меж нами,
И самый ненужный сейчас,
Казалось, вздыхал временами
О самом понятном для нас.

И в жутком, бесплотном укоре,
Казалось, был важный завет
От самого теплого моря,
От самых безоблачных лет.

ТЕБЕ ДАЕТСЯ ДЕНЬ

Тебе дается день:
Земля, моря и небо.
Омой себя, одень
и подкрепись от хлеба.
Тебе дается день —
еще один — и полный:
в лесах, полях — цветень,
в морях, озерах — волны.
Тебе дается день,
как рыбам, птицам, зверю:
проснулись волк, олень,
твой пес стучит за дверью.
Открой ее, открой! —
крылечко недалечко, —
" озарись зарей,
как лес,
изба,
крылечко.
Минутам — не часам —
у чуда быть на страже,
успеешь — станешь сам
умней, богаче, краше.

Чем море чистоты
нет мира баснословней,—
умей же видеть ты,
увидевши — запомни:
и чистоту румян,
их нежность, отдаленность,
и огненность времен,
не канувших во онность...

А с моря — день...

Светло...

Его не дай те Боже
употребить во зло
ни в этот миг, ни позже...

Тебе дается день:

добро

от дебрей леса,
хлеба от деревень,
от городов — железо...

А что с зарей сошло,
с небес —

не дай те Боже
употребить во зло
ни в этот день,
ни позже.

КАПЛЯ

В могучих и грозных чащобах,
Где времени мера не в счет,
Для раннего, жалкого гроба
Роскошное древо растет.

Но сам я его не увижу
И птиц не услышу на нем:
Тайга предо мною — не ближе,
Чем ветвь за тюремным окном.

И пусть его! Зверь или птица,
И жук, и змея, и пчела —
Плодится, плодится, плодится
У древа познания зла.

А сам я — и знать перестану...
И дерево дрогнет — и вдруг
В паденье овеет поляну,
И «бойся» прикрикнут вокруг.

И срубят скворечню такую,
Чтоб дерево сок сберегло б,
И ляжет взамен поцелуя
Смолистая капля на лоб.

ГРОЗА

Ходят громы вокруг тайги,
Словно ищут дорог в поселок.
Ты пробратся им помоги
К месту жительства невеселых.

И просекой уже сквозит...
— Нет, Перуне, для нас прощенья!..
Пусть же громом нас поразит:
Хоть предсмертное — восхищенье!

НОЧЬ

Луна скатилась за кусты.
Прикрылась веткой — ожидает.
О, как настойчиво рождает
Ночь
ощущенье красоты.

УТРО

О, золото! О, пенье петушка,
столь тонкое, что паутина эта,
опутывающая бабье лето,—
и та — в движеньи
кажется
тяжка.

МОЩЬ

Гляди: созрело, налилось, отяжелело.
И успокоилось.

И сладко ждет косца...

Преображениям твоим, природа, нет конца,
Как разуму, красе и мощи нет предела.

СНЕГ

Всю ночь буран шумел,
несло оледененьем.
Но шумам и виденьям
я верить не посмел.
Лишь поутру
 шестое
мне чувство дал снежок:
не холодом ожег,
а душу
чистотою.

РАДОСТЬ

На весь денек порадовал
снежок,

снежок,

снежок,

ложась в садах палатами,
снежинками — у щек...

И вход туда с парадного —
в хоромы лесосек!..

Но почему ж порадовал
снежок —

не человек?

ГОЛОС

О, тайна голоса...
Вот! Вот!
Опять поет он где-то в чаще,
прекрасный,
от души звучащий,
не душу — кровь мою зовет.

Что ж это? — Музыка? Любовь?
Кто это? — Сборщица грибов?

Любая песнь в любой глуши —
Любовь и музыка души.

БЕДНЫЙ РЫБАК

Картина Пювис де Шавана

Причаливала печально
Нищенская лодчонка,
Рыбак выходил на берег,
Сматывая лесу.
Над камышами звонко
Повизгивала ветреница,
В стеблях пушисто-серых
Видел рыбак красу.

СЛОВО

Оно рождается в самой крови —
Неотвратимое веленье — слово,—
Прими его, убереги от злого,
Убей соблазны, правду оживи!

НА ПОЛУЧЕНИЕ ПОСЫЛКИ

Уже с утра в остатках сновидений,
И в первом щебетанье воробья,
И в блестящей струистой светотени,—
Во всем, что жизнь,— предчувствовал тебя.

И в полудни — в сверканье, щебетанье —
У ящичка из быстрых рук твоих,
Как бы вправдашнее шло свиданье,
Шел разговор меж нас двоих.

И так весь день: под чуждым небом Чукши,
Во всем, что жизнь, ты, милая, была,
И с длительной зарею непотухшей
Ты в новый день с дарами перешла.

РОЖДЕСТВО

Пахнет дымом и морозцем,
И под полною луной
Тропка к хвоям-снегоносцам
Поражает белизной.

Что-то будет чрез минуту? —
В эту полночь — Рождество...
Обогреют ли малютку
И накормят ли его?

Чтобы сердцу легче стало,
Чтобы знать в глуши лесной:
Не напрасно ночь блистала
Сказочною белизной.

* * *

Прорастает зерно в земле,
как ни жестка земная твердь.
Жизнь победна и тем милей,
тем победней, чем ближе смерть.

Пусто в небе, куда огонь
хочет тело мое унести:
положи на меня ладонь,
сообщи о бессмертье весть!

. . .

Среди миров, в мерцании светил...

И. Анненский

Среди миров, в мерцании светил,
Лицом к лицу с огромным темным Богом
Не дрогнул я: «Да, Бог, скажу о многом!
Ценю. Спасибо, что к себе пустил».

И может быть, архангел Гавриил,
Дух огненный, простерся над порогом:
Не приступить к небесным недотрогам.
Но подан знак, чтоб грешник говорил.

И я сказал, я слышал только сердце,
Искал одно: у Бога-разноверца
Ствол истины, не разветвление лжи.

И голос мой звучал как прорицанье
Среди миров — их мрака и мерцанья,
Но Бог прервал: «Вернись — и там скажи!»

ЗВЕЗДА

Звезда играет над тайгою,
Над снежно-искристой землей,—
Воспоминанье дорогое —
О чем? И точно ли — зимой?

Да! Драгоценное, живое
Очарованье навсегда:
Пахучая — с мороза — хвоя,
Снег, Вифлеемская звезда...

Волхвы... Прости кощунство, Боже,—
Каким волхвам, кому повем? —
Скажи: Ты на Голгофе тоже
Сквозь слезы видел Вифлеем?

...Звезда Халдеи над тайгою,
И над снегами, в звездах,— Ты...
Ты, Боже, Ты!..

Кто б мог такое
Излить сиянье красоты!

В Капкаринской ссылке.
1953 год.

.....

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	3
Карты	5
Камень	6
Болезнь	7
Врачу	9
"Под Троицу с базара принесли..." . . .	10
Молитва	11

Романс	12
Совесть	14
У дверей ада	15
Руки и душа	16
"От самого Черного моря..."	17
"Тебе дается день..."	18
Капля	20
Гроза	21
Ночь	22
Утро	23
Мощь	24
Снег	25
Радость	26
Голос	27
Бедный рыбак	28
Слово	29
На получение посылки	30
Рождество	31
"Прорастает зерно в земле..."	32
"Среди миров, в мерцании светил..."	33
Звезда	34

